

бер-берсенә карата бертуктаусыз шелтә сүзләре әйтәләр, гаепләр эшләрәнә, кимчелекләрәнә төртеп күрсәтелә, ниһаять, “судан коры чыгу” өчен, ялган ревизорга акча биреп котылмакчылар, шул рәвешчә һәркайсының, шул исәптән “ревизор”ның да чын йөзә тулысынча ачыла. Алар, тулаем алганда, тышкы кыяфәтләре белән бер-берсеннән аерылсалар да, максат-омтылышлары, тормышка мөнәсәбәтләре, рухи ярлылыклары ягыннан охшашлар. Әлеге эчкә охшашлык “ревизор”га ришвәт биреп ярага тырышу күренешендә аеруча көчәя. Шул охшашлык китереп чыгарган күнелсез хәлләр, “тузга язмаган” эш-гамәлләр, мәгънәсез сүзләр, сай фикерләр көлкә уята. Н.Гоголь ижатында бер-берсенә охшаган персонажларны шактый очратырга була. Алар барысы да ижтимагый, әхлакый мәсьәләләрнең актуальлеген житкерүдә алыштыргысыз роль уйныйлар. Рус әдәбиятында шулай ук А.Островскийның «Чибәр ир» («Красавец мужчина») комедиясендәге ике эшсез – Пьер белән Жоржны, «Шаяннар» («Шутники») комедиясендә Недоносков һәм Недоростковны да көлкә уятучы охшашлык үрнәкләре буларак карарга мөмкин.

Һәр язучы – татармы ул, русмы, чит илнекеме – әсәрәндә үзә яшәгән һәм ижат иткән чорның актуаль проблемаларын көн кадагына куярга, төрлө сәнгатьчә чаралар ярдәмендә аларның мөһимлеген укучы аңына житкерергә омтыла. Комедия жанрында көнүзәк мәсьәләләрне үтемле яктыртуның иң көчлесе – сатира. «Югары эстетик идеалларга каршы килүче бөтен нәрсә сатираның сурәтләү объектына әверелә» [1, с. 87]. Аның хөкемәннән бер генә кимчелек тә, житешсезлек тә качып кала алмый. Югарыда карап үтелгән комедияләрдә драматургларның ижтимагый, шәхси бозыклыкларны, тискәре күренешләрне сатира камчысы белән камчылауда көлкә уятучы охшашлык алымыннан уңышлы файдаланулары күренде. Алар, тышкы охшашлыкка тиңдәш рәвештә эчкә охшашлыкны, ягъни тар карашлар, берьяклы теләк-омтылышлар охшашлыгын гәүдәләндереп, ижтимагый һәм шәхси кимчелекләрне фаш итәләр, шул рәвешчә эстетик идеал бөеклегенә, ижтимагый-әхлакый камиллеккә омтылалар.

Әдәбият

1. Боров Ю. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека, и утверждает радость бытия. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. – 272 с.
2. Гоголь Н.В. Ревизор: Пьесалар. З.Солтанов тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1952. – 5-100 б.
3. Дземидок Б. О комическом. – М.: «Прогресс», 1974. – 223 с.
4. Исмәгыйлев Ә. Комедияләр турында (Комедиянең жанр үзенчәлеге). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 176 б.
5. Исмәгыйлев Ә. Сәнгать һәм жанр. – Казан: «Сүз» нәшр., 2011. – 360 б.
6. Пропп В. Я. Комизм сходства / Проблемы комизма и смеха. – М.: «Искусство», 1976. – 183 с.
7. Ханзафаров Н.Г. Татарская комедия: Истоки и развитие. – Казань: «Фэн», 1996. – 267 с.
8. Хәмид Р. Чабаталы чәүчәләр: ике бүлеккә тамаша. – Казан, 2001. – 56 б. (Кулъязма).

Киндикова Нина Михайловна,

д.филол.н., профессор

Горно-Алтайского государственного университета

г. Горно-Алтайск

УДК 81

ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

AMNESTICESCOE FEATURES OF ONE POEM

Аннотация. В статье анализируются этнокультурные особенности стихотворения алтайского поэта Л.В.Кокышева. Методом литературной герменевтики объясняется смысл отдельных строф.

Ключевые слова: этнокультурные традиции, национальный колорит, строфа, героический эпос.

Abstract. The article considers ethno-cultural peculiarities of Altaic poems of the poet L.V. Kokysheva. Method of literary hermeneutics explains the meaning of individual verses.

Keywords: ethno-cultural traditions, national color, verse, heroic epic.

Была ли попытка подстрочного перевода стихотворения «На земле Алтая обитают духи отцов» алтайского поэта Лазаря Васильевича Кокышева (1933-1975) на русский и другие языки неизвестно. Но исследователи литературы часто цитируют строки именно из этого стихотворения, потому что смысл его загадочен, философичен, глубоко национален, не всякому подвластен для поэтического перевода. В оригинале это стихотворение существует без названия, впервые опубликовано в сборнике автора под названием «Снят-

ся отцы» (1972) [1, с. 44]. Нас интересует сохранение этнокультурных особенностей этого стихотворения в подстрочном переводе, с надеждой на осуществление поэтического перевода. Используя метод литературной герменевтики, попытаемся объяснить смысл отдельных строф.

Как известно, лирика Л.В. Кокышева условно подразделяется на раннюю и зрелую. Ранняя лирика во многом автобиографична, сюжетна, легко воспринимается читателем. Зрелая лирика поэта философична, метафорична, усложнена в структурном, стилевом плане. Неслучайно переводчик И. Фояков писал: «Лазарь Кокышев – поэт настроений, его стихи подернуты как бы нежным туманом, его называют иногда «алтайским Есениным», многие строки Кокышева популярны в народе как песни» [2, с. 208].

Ранняя лирика частично переведена и издана в Москве при жизни автора, точнее, в поэтическом сборнике «Стихи» (1958) [3]. Переводчиками были В. Фирсов, Ю.Полухин, Б.Гайкович, а позднюю лирику Л.В. Кокышева удачно переводили на русский язык Елизавета Стюарт и Михаил Шлаин. Таковы, к примеру, переводы стихотворений «Детям Алтая», «Молодому поэту», «Песня», «Поэзия» и другие. Они звучат как заветы поэта. Обратимся, к примеру, к стихотворению «Детям Алтая» в переводе Михаила Шлаина. На алтайском языке его название звучит по-другому: «Ундыбагар» («Не забывайте», но это не слишком важная деталь. Употребляя в переводе алтайские слова-понятия (арчин-можевельник, сырчик-сушеный сыр, аил-юрта и др.), переводчик сохранил этноэстетические особенности, точнее, национальный колорит стихотворения. Вот его отрывок:

И если после тысячи кручи
Вдруг слава закружит на белом свете,
Вы и тогда не забывайте, дети,
как в юртах можевельник наш, арчин,
Горит и – дым струится по углам...
И где б, каким вас ни встречали пиром –
Не брезгуйте алтайским кислым сыром,
Сушеным сыром, он был пищей вам.
Вам доверяет отчий край надежды.
Уходят вереницы птичьих стай.
И вам пора. Счастливый путь!
Но прежде –

Еще раз оглянитесь на Алтай [3, с.57].

В поздних своих стихах поэт Л. Кокышев выступает в качестве мыслителя, пророка. В них он не только размышляет о будущем народа, но и уверенно, прозорливо высказывается о своих предположениях. Неслучайно, в стихотворении «На земле Алтая обитают духи отцов» поэт передает мысль о том, что, несмотря на свою малочисленность, алтайцы будут гордиться своей национальностью. Правда, к этой мысли автор приходит через этнокультурные традиции, подкрепляя свои размышления конкретными примерами из жизни алтайского народа. На алтайском языке эти строки звучат так:

Алтай јеримде адаларды сүнези јүрер...
Айдын тунде уулдары оцынга келер.
Ай чырайлу алтай кыстар јаны кожондор чүмдеер,
Айдышкан кысты уулдар качыра берер.

Бай эмес те болзо, јеристе јаны јурт төзөлөр,
Балдарынын көстөри јылдыстыј көрүнөр.
Көк өлөни јажарып, көөрчөгін берер,
Көгүтей керегинде чөрчөктөр чумделер.

Аргымак аттары ак көбүктү көп суулар кечер,
Алтайга јанарлары јажына торгуланып турар...
Албатызы: «Јакшы ба?» – деп, јажына суражар,
Алтай јаныла айылы-јуртына аракылу айылдажар.

Түлкү борукту алтай кыстарга тунде
Јүней ле уулдар туйка белегин берер.
Ас та болзо, албаты деп адалып артар,
Алтай кижі мен деп оморкожып јүрер...

Онын учун карыдым деп качан да карыкпагар,
Ойим келзе, олорим деп качан да кунукпагар...

Стихотворение в оригинале состоит из четырех строф и одного двустишия, которое обычно выпадает при переиздании. Трудность подготовки подстрочника к этому стихотворению состоит в том, что необходимо сохранить этнокультурные особенности оригинала в каждой строфе, строке, даже в слове. При этом приходится толковать смысл отдельных словосочетаний. К примеру, «духи отцов», «ойин-хоровод», «дьянар-песня», «шапка из лисьих лапок» и т.д.

По представлениям алтайцев, духи родителей обитают в небесах, они охраняют счастье своих детей, оберегают их от злых духов. В данном случае имеется в виду отцы-фронтовики, участники Великой Отечественной войны, раньше времени ушедшие в мир иной.

Игры – это хоровод молодежи: стоя в круг, равномерно покачиваясь плечами, они поют непрерывную народную песню (дьянар). Причем песня неумолкаема, так как сочиняют ее экспромтом, запевала начинает, его строки подхватывают певцы. Это слово в оригинале звучит как «дьянар». Девушек обычно крадут по алтайскому обычаю, однако в современных условиях парни выбирают по взаимному согласию.

Вторая строфа построена как продолжение первой, при этом подчеркивается вечность Алтая, круговорот времени, природных явлений. Единственное неизвестное слово во второй строфе – «Когутей». Это – имя алтайского богатыря из одноименного героического эпоса. Для убедительности обратимся к подстрочному переводу этих строф:

На земле Алтая вечно будут обитать духи отцов,
В лунную ночь сыновья придут на хоровод-ойин.
Белолицые девушки будут сочинять новые песни,
Парни сосватают алтайских девушек по взаимному согласию.

Жизнь представлена здесь в вечном движении и обновлении. Показателями вечности бытия выступают постоянное употребление слов: «также», «пусть», «всегда», «вечно», «будут» и другие.

Пусть скромно (небогатая), но на родной земле появится новая семья,
Глаза детишек, словно звезды, будут сверкать.
Так же будет зеленеть обильно трава,
Так же будут слагаться сказания о Когутее.

Как известно, героические сказания поют особо одаренные люди, при этом его поют ночами и днями горловым пением. Поэт Л. Кокышев оказался прозорливым в том смысле, что горловое пение будет звучать среди нового поколения.

В третьей строфе важно сохранение обычаев и традиций алтайцев. Это – церемониал приветствия, прием гостей и церемония угощения их молочной арачкой (десятиградусный напиток). Вот как звучит подстрочный перевод данной строфы:

Кони-аргамаки перейдут белопенные (бурные) речки,
Песня (дьянар) будет звучать на Алтае непрерывно,
Алтайцы будут приветствовать друг друга по обычаю,
По традиции будут гостить друг к другу с арачкой молочной.

Прошлое в этом стихотворении взаимосвязано с настоящим во времени и в пространстве, точнее, речь идет о вечности жизни, о постоянстве бытия. Об этом свидетельствует следующая строфа:

Алтайским девушкам в лисьей шапке ночью
Парни все равно будут дарить задатки-белек.
Несмотря на малочисленность, все же
Они будут гордиться своей национальностью.

Четвертая строфа перекликается с первой, поскольку в ней действуют те же девушки и парни, те же обычаи и традиции алтайцев. Образ алтайской девушки отличается тем, что на голове у нее меховая шапка с кисточкой, тогда как парни могут носить шапку из рысьих лапок. Третья и четвертая строфа дословно переводится как «Хоть мал числом, но народ мой останется со своим именем, / а каждый из них будет гордиться тем, что он – алтаец». Думается, переводчик найдет подходящее слово. В этом стихотворении Л.В. Кокышев выступает глубоко национальным поэтом. Стихотворение заканчивается словами автора-мыслителя:

Поэтому никогда не унывайте, что придет старость,
Никогда не печальтесь, что уйдете из этого мира.

После такой интерпретации строф, толкования смысла отдельных образов-понятий хочется найти достойного переводчика для этого стихотворения. Наверняка, он найдется в ближайшем будущем. Нам остается ждать удачного поэтического перевода, учитывающего этно-эстетические особенности оригинала и подстрочника. Тюркоязычные переводчики могут перевести это стихотворение, минуя русский перевод. Напомним еще раз, что зрелая лирика Лазаря Кокышева почти не переведена, это стихотворение озвучено самим поэтом. Найдена учительницей Ю.А. Карандашевой. грампластинка, записанная в Алма-Ате. Поэтому переводчики могут прослушать голос самого автора.

Литература

1. Кокышев Л.В. Адалар тужелет (Снятся отцы). – Горно-Алтайск, 1972. – С. 126.
2. Кокышев Л.В. Стихи. – М.: Советский писатель, 1958. – 86 с.
3. Кокышев Л.В. Стихи. – М.: Современник, 1977. – 63 с.
4. Фоняков И.О. Несколько слов о поэзии Горного Алтая, о переводах ее на русский язык и об искусстве поэтического перевода вообще. // Высокая радуга. Сборник стихов в переводе И. Фонякова. – Горно-Алтайск, –1971. – С. 208-211.

Ларионова Евгения Ивановна,

*к. филол. н., доцент кафедры восточных языков,
Дипломатическая Академия МИД России,
г. Москва
e-mail: haziiran@mail.ru*

УДК 81'225.4

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ А. УМИТА «ШКАТУЛКА СКАЗОК» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

TRANSLATION'S PROBLEMS OF THE A. UMIT'S FAIRY TALE "BOX OF FAIRY TALES" IN RUSSIAN LANGUAGE.

Аннотация. В статье на примере перевода сказочной повести А. Умита «Шкатулка сказок» на русский язык показано, каким образом некоторые безэквивалентные элементы турецкой и – шире – восточной сказочной поэтики могут ретранслироваться в русскую культурно-языковую действительность с учетом не только стилистического и смыслового анализа оригинала, но и предшествующей переводческой традиции.

Ключевые слова: турецкая Литература; художественный перевод; национально-культурная информация; сказочная повесть; литературная сказка; безэквивалентная лексика; переводоведение

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of A. Umit's «Fairytale within the Fairytale» book from Turkish to Russian language and shows how some culture-specific elements of the story may be interpreted into Russian taking into account not only stylistic and semantic analysis of the origin but also the previous translating tradition of the Turkish – and wider – the Middle Eastern fairy-tales.

Keywords: Turkish Literature; national and cultural information; the art of translation; literary translation; literary fairy-tale; culture-specific elements; Interpretation and Translation Studies

Художественная Литература представляет собой, пожалуй, наиболее сложный объект для перевода: любому произведению присуща особая образность, обусловленная национальной и исторической окраской, индивидуальным стилем писателя, жанром самого произведения и т.п. Многоплановая и сложная структура художественного текста естественным образом вызывает целый ряд трудностей при ретрансляции его в иную культурно-языковую действительность. В ходе «воссоздания» уже однажды созданного текста переводчик – своеобразный межкультурный «медиатор», призванный передать опыт от одной культуры к другой, – «... должен не только понимать, но и «чувствовать» оригинал: его стиль, ритм, художественное своеобразие, связь с литературной и культурной традицией...» [7, с. 185]. Для адекватной передачи авторского замысла на другой язык переводчику требуется предварительно провести смысловой и стилистический анализ оригинала.

Особую значимость фактор адекватности (понятие и термин введены В.Н. Комиссаровым) [5, с. 306] приобретает при переводе сказок, поскольку они рассчитаны в большей степени на детскую (или двуадресную, т.е. детскую и взрослую одновременно) аудиторию и требуют максимальной ясности восприятия как в плане содержания, так и в плане выражения.

Предметом рассмотрения в данной статье являются проблемы адекватности перевода на русский язык сказочной повести современного турецкого писателя Ахмета Умита (род. 1960) «Шкатулка сказок» (1995) [2], которая пользуется большой популярностью как в самой Турции, так и за ее пределами. Книга выдержала более десяти изданий, входит в школьную программу по турецкой литературе, переведена на несколько иностранных языков: корейский, английский и русский [18].

В центре повести – история доброго, но хвастливого Падшаха, который вместе со своим Визирем отправляется в длинное путешествие по разным странам, в ходе которого встречается с людьми разных профессий – Шапочником, Муэдзином, Кузнецом, Ювелиром и Слепым караванщиком, чтобы выслушать их удивительные